

УДК 93/94+929
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-5-12
EDN: BUFKYZ

А. В. ГАНИН

Институт славяноведения РАН,
г. Москва

ДЕЛО «ПРИВОЛЖСКОЙ ШПИОНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ». 1919 г.

В статье на основе неопубликованных источников из Центрального архива ФСБ России детально изучено расследованное в 1919 г. органами ВЧК дело контрреволюционной «Приволжской шпионской организации» в РККА. Этот сюжет нашел фрагментарное отражение в историографии; цель данной работы — устранить эту лакуну. Теоретическая основа исследования — сочетание антропологического подхода, проблемного и биографического методов. В рамках этого дела, наряду с другими лицами, были арестованы несколько слушателей Академии Генерального штаба РККА, которых подозревали в контрреволюционном заговоре. Проанализирован ход оперативной разработки дела, ведение следствия, состав фигурантов (в их числе — братья Михаил и Николай Тухачевские, избежавшие ареста), оговорены особенности вынесенных приговоров.

Ключевые слова: РККА, Академия Генштаба, ВЧК, советские спецслужбы, репрессии, Гражданская война, Восточный фронт, М. Н. Тухачевский, Н. И. Колицкий, «Приволжская шпионская организация».

Среди недавно рассекреченных архивно-следственных дел Центрального архива Федеральной службы безопасности России особый интерес вызывает дело «Приволжской шпионской организации» 1919 г., в котором фигурировал даже такой видный советский военный деятель эпохи Гражданской войны, как М. Н. Тухачевский. Обзор дела был впервые представлен в монографии Ю. З. Кантор [1, с. 147–153], однако эти документы заслуживают специального исследования.

В начале мая 1919 г. в Особый отдел Восточного фронта явились начальник штаба Симбирского укрепрайона слушатель Академии Генштаба РККА А. К. Парм с помощником А. К. Наумовым и заявили, что вместе с ними в поезде председателя Реввоенсовета Республики (РВСР) Л. Д. Троцкого в Симбирск приехали их товарищи по академии И. Т. Дравниэк и В. Д. Залесский, с которыми приехала некая О. И. Валуева, представлявшаяся супругой Дравниэка, но жившая в Симбирске с мужем М. М. Валуевым. Дравниэк был назначен в 1-ю армию, Залесский — в Казанский укрепрайон, Валуева же осталась в Симбирске.

Парм и Наумов посчитали подозрительным поведение Валуевой и бывшего у нее артиста Г. М. Новикьяна, старавшихся вести с приехавшими слушателями академии разговоры на военные темы (хотя это происходило в прифронтовой полосе в военное время, а собеседники являлись военно-

служащими, что делало подобные беседы неизбежными). Особым отделом фронта руководил известный чекист Г. И. Боккий, который энергично взялся за расследование. Чекисты установили негласное наблюдение за Валуевой (его вел агент Иванов), которое дало немного, но подозрения лишь усугубились. Валуева и другие лица из ее дома осторожничали и вели себя так, будто за ними следят. Валуева постоянно переписывалась с Дравниэком, отправляя письма с курьерами. За Дравниэком также начали негласное наблюдение [2, т. 4, л. 434]. Новикьян вскоре уехал в Самару, где чекисты за ним тоже стали следить. Что касается Парма и Наумова, то они с ведома чекистов продолжили общение с Валуевой, выдавая себя за сочувствующих белым [2, т. 1, л. 1].

По настойчивым просьбам Валуевой они устроили ее на службу в один из отделов штаба укрепрайона, при этом считали, что их разговоры с Валуевой и ее близкими «носили характер систематического выжимания из них военных сведений» [2, т. 1, л. 1]. По мнению Парма и Наумова, Валуева обладала очень непривлекательной внешностью, но старалась завлечь красных командиров к себе обществом красивых артисток городского театра, вышивкой и пироженками. Однако в деле сохранились две фотографии Валуевой [2, т. 1, л. 207], судя по которым вряд ли можно считать эту женщину крайне непривлекательной.

Особый отдел Восточного фронта провел в Симбирске усиленные обыски, в связи с чем Валуева попросила Парма помочь без огласки вывезти из ее квартиры оружие (часть оружия была закопана во дворе). Парм вынес неизвестно куда целый арсенал — 25 шашек, 3 револьвера и несколько штыков. Затем он с Наумовым уехал в Уфу и остальное оружие вывезти не смог (Валуева хранила, с ее слов, еще и ракеты [2, т. 1, л. 24]).

В тот период фронт отодвинулся к Уралу, а Валуева стала настойчиво добиваться назначения на ответственную должность в оперативный отдел штаба фронта. Для этого она познакомилась с членом РВС фронта К. К. Юреневым и политическим комиссаром штаба Петуховым (они также действовали по указаниям Особого отдела), причем с Юреневым разыгрывала влюбленность [2, т. 1, л. 34].

В одном из писем Юреневу она отмечала: «Я хочу просить Вас устроить мне такое место, где я могла бы, пока штаб стоит в Симбирске, получать как можно больше командировок. В 1-й армии я почти всегда ездила в командировки, что может подтвердить наш командующий Тухачевский и нач[альник] штаба армии Корицкий» [2, т. 1, л. 4 об.]. Место в штабе комиссары Валуевой обещали. В письме Парму женщина отметила: «Не думайте, ради Бога, что если я так навязывалась, только исключительно для каких-либо мелких целей. Нет, у меня действительно есть такое большое серьезное дело, о котором я могу поговорить и сказать то только Вам» [2, т. 1, л. 5]. Подобные недосказанности выглядели намеком на разведывательную работу в интересах белых.

Затем, незадолго до ареста, Валуева отправилась в Казань (там жил отец ее сына Владимира — Б. Н. Гопшен [2, т. 1, л. 31; т. 2, л. 23 об.]), где имела несколько свиданий с В. Д. Залесским для выяснения положения на северных участках фронта. С Дравниэком же она продолжала переписку. Непосредственно в день ареста, 15 июля 1919 г., Валуева хотела на несколько дней проехать в штаб 1-й армии к Дравниэку. Перед тем она поведала члену РВС фронта Юреневу, что Особый отдел подозревает ее в хранении оружия, но это неправда, причем просила защиты. Возможно, агентурная разработка провалилась, так как Валуева узнала о возникших подозрениях в свой адрес. Кроме того, арестованный вместе с супругой муж Валуевой 52-летний служащий Симбирского городского продовольственного комитета М. М. Валуев за несколько дней до ареста, видимо, опасаясь обыска, сжег свои старые письма, вещи, счета и доверенности [2, т. 1, л. 3]. Следователь Я. Я. Фогель впоследствии предполагал, что осведомить Валуеву о подозрениях мог Парм, переносивший из ее квартиры оружие.

В связи с этим заявлением Валуевой особысты решили ускорить ликвидацию дела. Первоначально арестовали до 30 человек. У мужа Валуевой был изъят серьезный запас оружия: два Браунинга, Маузер, маленький револьвер Бульдог, еще один револьвер, карабин винчестер, трехлинейка со штыком, пулеметная лента с патронами, патроны, две шпаги и противогаз [2, т. 1, л. 40].

С арестованными велась оперативная работа. В частности, в камеры к ним подсаживали работников ЧК. Уже находясь в тюрьме, муж Валуевой поведал подсадному агенту чекисту Иванову, что аресты должны быть связаны с проделками супруги в Москве, где она активно участвовала в организации белогвардейской ячейки в Академии Генштаба

РККА. Он утверждал, что в ячейку входили слушатели Н. Н. Тухачевский (родной брат знаменитого советского военачальника М. Н. Тухачевского), И. Т. Дравниэк, А. Ф. Пиллит и Л. И. Репкин [2, т. 1, л. 1 об.]. Подсаженный чекист установил, что «академики» имели даже конспиративную квартиру для встреч и заседаний. К сожалению, агентурные материалы для исследователей недоступны, поэтому сложно судить, что именно и в какой связи было сказано Валуевым и какими еще материалами располагало следствие. Как бы то ни было, дело о возможном шпионаже в Симбирске получило выход на Москву.

На допросах арестованные упорно отрицали вину и давали сбивчивые показания. Тот же Валуев при допросе заявил, что об академической организации в Москве ему неизвестно [2, т. 1, л. 49]. Его супруга на вопрос о белой организации в красной академии также ответила отрицательно. Впрочем, первоначально отрицала она даже имевший место вынос оружия из своей квартиры Пармом, а также стремление устроиться на службу в оперативный отдел штаба фронта [2, т. 1, л. 31, 32].

Центральная фигура всего дела, 29-летняя (по материалам реабилитации она также указана родившейся в 1880 г. [2, т. 1, л. 211]), т.е. в период ареста ей должно было быть около 39 лет, но на фотографиях из дела более молодая женщина) Ольга Ивановна Валуева родилась в Алатыре в семье крупной бывшей помещицы Сухаревой. Девушка служила машинисткой в управлении формирований советского Восточного фронта в Симбирске. В Первую мировую войну она была сестрой милосердия в 13-м подвижном лазарете на рижском фронте, где действовали латышские стрелковые полки и там познакомилась с будущим советским главкомом И. И. Вацетисом [2, т. 1, л. 1 об.]. С Дравниэком она была знакома, видимо, с 1918 г. [2, т. 1, л. 67], с Залесским познакомилась в апреле 1919 г. через Дравниэка, когда ехала из Москвы в Симбирск [2, т. 1, л. 32]. Кроме того, знала трех братьев Тухачевских: Михаила, Николая и Александра Николаевичей [2, т. 1, л. 32 об.]. Это и неудивительно с учетом того, что в 1918 г. М. Н. Тухачевский как командующий 1-й армией руководил взятием Симбирска и провел там немало времени.

Валуева была хорошо осведомлена о положении в колчаковском тылу и утверждала, что у нее там есть знакомые, а также знала состояние РККА [2, т. 1, л. 64]. Якобы в беседах с близкими в ненависти к Советской власти женщина доходила до истерики (позднее, уже в одиночном заключении, у нее были зафиксированы истерические припадки и сильное нервное расстройство [2, т. 4, л. 247]). Агенту Иванову она, в частности, заявляла: «Скорее бы Советская власть сгнила, этакая сволочь, если могла бы, то всех расстреляла бы» [2, т. 1, л. 4]. Валуева жаловалась на безденежье, но была причастна к махинациям в связи с хищением Дравниэком в 1-й армии денег и сукна на продажу, а также намеревалась спекулировать в Симбирске мылом [2, т. 1, л. 4].

Крайне подозрительно выглядела вся ее деятельность — хранение запаса оружия, настойчивые попытки добиться службы в советских штабах, соучастие в махинациях. Поражал воображение круг знакомств женщины с ответственными советскими военными работниками. Помимо слушателей академии среди ее знакомых были советские главкомы И. И. Вацетис и С. С. Каменев, командармы М. Н. Тухачевский и Г. Д. Гай, член РВС фронта

К. К. Юренев и т.д. Она говорила Дравниэку, что «если она захочет, то нет такого человека, чтоб она не могла познакомиться с ним и пригласить к себе в гости» [2, т. 1, л. 68]. Это и неудивительно, так как Валуеву знавшие ее характеризовали как легкомысленную особу, не чуждую флирта [2, т. 1, л. 100 об., т. 2, л. 160]. Также выяснилось, что она доставала пропуска для хождения по городу по ночам [2, т. 1, л. 5]. При обыске у нее под полом нашли две шашки и револьверные патроны [2, т. 1, л. 24]. В целом же обыски почти ничего не дали.

Другим центральным фигурантом дела был 28-летний артист, итальянский подданный и близкий знакомый Валуевой Гурьян Меркич Новикьян. При обыске у него нашли три револьвера и чертеж водного велосипеда, оказавшийся его изобретением [2, т. 1, л. 134]. Новикьян дружил с персидским консулом и хранил в консульстве 80 000 руб. Жил он широко, тратя до 15 000 руб. в месяц. В планах артиста была поездка в Баку (как он показал на допросе — к большой матери). Чекисты подозревали его как шпиона Антанты, а особенно подозрительной им казалась дружба Новикьяна с бывшим командующим 1-й армией Г. Д. Гаем (настоящая фамилия — Бжишкян), хотя их дружба, по-видимому, основывалась на общности происхождения и службы в армянских частях в Первую мировую войну.

Как отмечали в докладе по делу от 5 августа 1919 г. начальник Особого отдела Восточного фронта Г. И. Бокий и заведующий активной частью А. С. Иоселевич, «в общем дело чрезвычайно запутанное: арестованные не признаются даже в мелочах и начинают говорить лишь после ряда очных ставок и предъявления фактических доказательств и то дают очень сбивчивые показания» [2, т. 1, л. 2]. По мнению авторов документа, организация охватывала район Симбирск — Самара — Саратов — Казань. Связь с Москвой, как они предполагали, могла поддерживаться через слушателей академии Пиллита, Репкина и Н. Н. Тухачевского. При этом симбирские особисты не могли точно ответить центру, существовала ли связь «с раскрытой Вами центральной организацией... ввиду нашего незнакомства с делом центральной организации» [2, т. 1, л. 2]. По-видимому, подразумевалось дело Полевого штаба РВСР, развернувшееся летом 1919 г. и затронувшее, прежде всего, генштабистов дореволюционной школы.

После того, как выяснилась вовлеченность в дело группы слушателей Академии Генштаба РККА, были арестованы и они. И. Т. Дравниэка арестовали уже 16 июля и содержали в Симбирске. По телеграмме Особого отдела Восточного фронта в 20-х числах июля 1919 г. в Москве были арестованы слушатели Репкин и Пиллит, а также связанные с ними лица, всего 18 человек. Таким образом, общее число арестованных достигло 50. Из Москвы Пиллита и Репкина отправили в Симбирск в распоряжение Особого отдела Восточного фронта. Кроме того, к делу по неизвестным причинам присоединили материалы в отношении бывшего командующего 1-й армией перебежчика А. И. Харченко, который сдался красным на фронте уже в период расследования дела и не имел к нему отношения. По-видимому, включение этих материалов было вызвано тем, что в деле «Приволжской шпионской организации» фигурировали многие служащие 1-й армии.

Кем являлись и чем провинились арестованные слушатели академии?

На Восточном фронте арестовали не только Дравниэку, но и Залесского. 24-летний латыш Иван Тимофеевич Дравниэк служил в штабе 1-й армии на должности для поручений при командующем Г. Д. Гае. Ранее Дравниэк учился в Рижском политехническом институте, являлся бывшим офицером, имел опыт командования ротой и батальоном. В РККА поступил на командную должность в гарнизоне Сызрани. При занятии города чехами летом 1918 г. остался и был арестован. После ухода чехов продолжил служить у красных. Занимал посты начальника охраны штаба 1-й армии, правителя дел начальника штаба, начальника общего отдела полевого управления армии. С последнего места службы его командировали в Академию Генштаба РККА, а оттуда он был направлен на практику в войска и в 1919 г. вновь оказался в 1-й армии. С Валуевой Дравниэк состоял в интимных отношениях и вместе с ней, как отмечено в следственных материалах, украл 86 000 руб. и 40 аршин материи [2, т. 1, л. 5 об.]. Дравниэк пытался представить себя жертвой Валуевой, кроме того, он категорически отрицал ее знакомство с И. И. Вацетисом на рижском фронте (об этом же говорил и еще один фигурант дела А. Ф. Пиллит, служивший в 6-м Латышском стрелковом полку).

Слушателя академии Виктора Дмитриевича Залесского, начальника оперативного штаба Казанского укрепрайона, предполагалось арестовать 16 июля 1919 г. в Казани, однако он уехал сначала в Елабугу, а оттуда в Сарапул. В итоге его смогли арестовать только 1 августа. Залесский прежде был студентом Петроградского университета, окончил Владимирское военное училище и получил чин прапорщика. После октября 1917 г. он был избран командиром батареи. В 1918 г., демобилизовавшись, уехал в Курск к родителям. Добровольно вступил в РККА. Служил адъютантом командующего войсками Курской губернии, начальником штаба участка, адъютантом 2-й бригады 9-й стрелковой дивизии, начальником оперативной части, а также временно исполняющим должность начальника бригады. После этого попал в академию. Считался сочувствующим РКП(б). Весной 1919 г. был назначен начальником оперативного отдела Казанского укрепрайона, а летом того же года стал начальником штаба района [2, т. 2, л. 77]. Под арестом содержался в Бутырской тюрьме, причем сидел там до декабря 1919 г., хотя самые поздние по времени приговоры по делу датированы еще концом сентября. Складывается впечатление, что следователь о нем просто забыл [2, т. 2, л. 79]. Вина арестованного заключалась в нескольких встречах с Валуевой. В итоге слушателя освободили, предупредив комиссара по месту его службы о необходимости строгого наблюдения за Залесским.

Московские аресты коснулись слушателей Репкина, Пиллита, Тылтыня и Эглита.

25-летний Леонид Иванович Репкин окончил пензенскую гимназию, был студентом Харьковское технологического института, инженер-механиком, в Первую мировую добровольцем пошел на фронт, за боевые отличия был произведен в прапорщички, окончил Севастопольскую военную школу авиации и стал военным летчиком. В итоге дослужился до штабс-капитана. В 1912—1917 гг., по его свидетельству, состоял в РСДРП (без указания на большевиков или меньшевиков), арестовывался в Харькове за хранение нелегальной литературы, однако о более позднем периоде пи-

сал, что был лишь сочувствующим РКП(б) [2, т. 1, л. 77 об.]. Возможно, вышел из партии, но из анкеты понять это сложно. Симпатизировал социалистам, сотрудничал в газете объединенных социалистов «Наш путь» и в газете «Известия», был секретарем пензенского совдепа. По свидетельству И. Т. Дравниэка, Репкин выступал за советы, но против коммунистов [2, т. 1, л. 71]. Как отмечали чекисты, «после революции был сотрудником буржуазной [э]с[е]ровской газеты, по сообщению его знакомых — безусловный противник Советской власти» [2, т. 1, л. 1 об.]. После еврейского погрома в Пензе 8 ноября 1917 г. Репкина назначили начальником пензенского губернского военно-революционного штаба. В мае 1918 г. он добровольно поступил на службу в РККА (впрочем, о нем писали и как о мобилизованном). Командовал батареей, был помощником начальника артиллерии 2-й Пензенской пехотной дивизии, затем попал в штаб 1-й армии, где служил помощником правителя дел Дравниэка. Вместе с последним поступил в Академию Генштаба РККА.

В Москве Дравниэк, Валуева и Репкин жили вместе на одной квартире. Более того, Репкин продавал Валуевой хлеб, который, видимо, получал как слушатель академии [2, т. 1, л. 100 об.]. Наконец, у Валуевой, Репкина и Дравниэка были обнаружены идентичные записки с названием «Страсть любовницы». Следствие предполагало, что это мог быть ключ от двойного шифра.

В академии Репкин вел себя подозрительно, резко критиковал Советскую власть, а в феврале 1919 г. вместе с Валуевой неизвестно для чего ездил в Сызрань. Однако никто на него не заявлял, считая безвредным. Подозрения усилились после того, как в академию пришла телефонограмма № 7075 от 21 мая 1919 г., копии которой адресовались комиссару и самому Репкину. В телефонограмме содержалось приглашение Репкина ни много, ни мало на заседание Совета обороны. Однако наведение справок показало, что такой телефонограммы Совет обороны не посылал и Репкина не знает [2, т. 1, л. 6]. При командировке из академии на фронт Репкин не принял ни одну из предложенных ему должностей и до ареста находился без определенных занятий. Особый отдел Московской ЧК установил за странным слушателем наблюдение, но результаты не впечатляли. Например, подозрения чекистов вызвало то, что на вечере в академии Репкин достал сверток и с тремя спутниками пошел в сад, где передал сверток одному из них, а назад вернулся уже с двумя сопровождающими [2, т. 1, л. 6]. Соседи (Ермолаевский переулок, д. 4, кв. 7) указывали, что Репкин постоянно поздно приходил домой. Кроме того, однажды к нему пришла барышня, но ушла со словами: «Мало ли за нами следят шпионов» [2, т. 1, л. 6]. Также следствие установило, что в Москве Репкин имел две квартиры. Впрочем, в обстановке Гражданской войны для подозрений было достаточно и вышеперечисленных моментов.

24 июля 1919 г. арестовали 25-летнего бывшего поручика Арвида Федоровича Пиллита. Чекисты обратили внимание на его попытку через И. И. Вацетиса поступить на службу в латышский стрелковый полк [2, т. 1, л. 2], хотя ничего особенного в такой просьбе не было. Пиллит окончил реальное училище и Александровское военное училище. По взглядам он симпатизировал эсерам. После демобилизации из старой армии до марта 1918 г. жил в Челябинске, а затем поступил на службу в

РККА, в интернациональный легион, где прослужил с апреля по август 1918 г. По предложению Дравниэка позднее он попал в штаб 1-й армии старшим адъютантом. Штабом 20-й стрелковой дивизии был отправлен на учебу в Академию Генштаба РККА. Его товарищ по академии Я. К. Эглит свидетельствовал, что помимо академии Пиллит посещал кинематографическую студию, объясняя это тем, что «при первой возможности он собирается ехать за границу, путешествовать, и там ему знание кинематографического дела послужит... как средство питания» [2, т. 2, л. 125]. Такие намерения слушателя красной академии выглядели довольно странно. Также несколько дней Пиллит жил на квартире у Валуевой. Он показал, что ни в какой белогвардейской организации не состоял и не знал ни о ком, кто бы мог в ней быть [2, т. 1, л. 97]. Следом за мужем арестовали и супругу Пиллита Веру Михайловну, вышедшую за него замуж всего двумя месяцами ранее. Следователь предлагал заключить ее в концлагерь с привлечением к работам до конца Гражданской войны.

В связи с арестом Репкина в Москве арестовали и заведующего строевой частью командных курсов тяжелой артиллерии бывшего генерала Н. В. Скрыдлова, у которого жили Репкин, Дравниэк и Валуева. При ремонте ванной у Скрыдловых рабочие под полом нашли оружие [2, т. 1, л. 71 об.]. Скрыдлов содержался в Бутырской тюрьме. Туда же попали его супруга и 18-летний сын, причем последний сообщал, что квартирантов отца почти не знал и не понимал причин своего ареста [2, т. 5, л. 522]. Были арестованы и другие квартиранты Скрыдловых.

Пристальное внимание следствия вызывала фигура Николая Николаевича Тухачевского — смотрителя Академии Генштаба РККА и родного брата будущего маршала, прославленного советского военачальника М. Н. Тухачевского. Из академии его уволили по болезни, после чего он уехал в свое имение в Чембарском уезде Пензенской губернии, откуда должен был ехать к брату. В результате арестовать его не удалось за неизвестностью местопребывания, и велся розыск. Возможно, от репрессий тогда его спас брат.

В деле содержались материалы и в отношении самого М. Н. Тухачевского, командующего 5-й армией и бывшего командующего 1-й армией Восточного фронта, одного из организаторов побед РККА на Восточном фронте. Тухачевский подозревался ни много, ни мало в шпионаже, так как знал Валуеву и даже выполнил ее просьбу о переводе сына генерала Скрыдлова на другое место службы (из 81-го рабочего полка в окружное артиллерийское управление переписчиком).

Фигурировал в деле и начальник штаба 1-й армии Николай Иванович Корицкий [2, т. 4, л. 365] — сын генерала старой армии и фрейлины императорского двора, член РКП(б) и близкий соратник М. Н. Тухачевского. Он устроил на службу в штаб армии мужа Валуевой, ездил с последней в командировки, бывал у нее на квартире. Позднее, как отмечалось в деле, уехал в Пензу и скрылся. На самом же деле Корицкий не скрывался, а большую часть 1919 г. служил в 5-й армии, которой командовал Тухачевский [3; 4, с. 51–101].

Арестам подверглись и совершенно случайные люди, однако их, в основном, быстро освобождали. Так, 27 июля 1919 г. был арестован 23-летний Ян Кришнянович (Христианович) Эглит. Он являлся

членом большевистской партии с 1912 г. [5, с. 453], выпускником учительской семинарии и Владимирского военного училища, бывшим подпоручиком. В 1918 г. его командировали в старую Военную академию [6]. Комиссары академии и члены штаба отрядов особого назначения в этой связи сообщали: «Был зачислен в академию в Екатеринбурге как находившийся на излечении после ранения под Казанью» [2, т. 1, л. 10 об.], а секретарь бюро фракции коммунистов Академии Генштаба РККА отметил: «Слушатель академии Эглит также обучался в екатеринбургской академии» [2, т. 1, л. 10 об.]. В действительности же Эглит туда не попал из-за решения фракции 6-го Латвийского стрелкового полка [2, т. 1, л. 10–10 об.]. Сам Эглит отмечал, что в Екатеринбурге никогда не был, т.к. его туда не отпустили по службе [2, т. 2, л. 127]. 26 ноября 1918 г. Эглита зачислили на параллельный курс новой Академии Генштаба РККА. Держал он себя замкнуто, но считался способным и был выдвинут на пост командира и ответственного организатора отрядов особого назначения Москвы при московском комитете РКП(б). Кроме того, пользовался авторитетом во фракции коммунистов академии [2, т. 2, л. 122об.]. Арестован он был из-за дружбы с арестованным слушателем Пиллитом. Когда стала очевидна вся несурьезность ареста Эглита, он вместе с супругой Мартой Андреевной (в 1918 г. она оставалась в Казани при власти Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания) был освобожден по ходатайству бюро фракции РКП(б) академии.

Были арестованы и супруги-коммунисты Тылтынь Ян Альфред Матисович и Антонина Андреевна. Ян Альфред был латышом, окончил реальное училище, Алексеевское военное училище и учился в Академии Генштаба РККА. Командовал ротой, позднее 1-м Интернациональным коммунистическим полком, после чего был командирован в академию. Они содержались с 30 июля по 14 августа 1919 г. в Бутырской тюрьме и были освобождены также по ходатайству бюро фракции РКП(б) академии, т.к. мотивом ареста было неразглашение данных об аресте Пиллита. Тылтынь даже в период тюремного заключения демонстрировал политическую бдительность. В частности, уже освободившись, дал 15 августа 1919 г. показания о том, что в Бутырке левые эсеры установили между собой надежную связь и переговаривались между камерами и необходимо обратить внимание на усиление тюремного режима в их отношении [2, т. 2, л. 108–108 об.].

Аресту подвергся и бывший полковник Евгений Викторович Агокас — преподаватель Академии Генштаба РККА и 1-х артиллерийских курсов. Он был арестован в засаде на квартире Скрыдловых, куда пришел навестить сестру — супругу Скрыдлова и подарить ей кусочек мыла [2, т. 1, л. 12]. Так как это был незаменимый специалист, вскоре его освободили.

Четверо из шести арестованных слушателей были этническими латышами. В связи с арестами слушателей к начальнику оперативного отделения Особого отдела ВЧК 25 июля 1919 г. для разбирательства приехали комиссары академии В. Н. Залежский и Э. И. Козловский [2, т. 2, л. 122]. Был даже составлен акт, в котором шла речь, в основном, о Пиллите и Эглите.

В информационном бюллетене РВС Восточного фронта от 13-15 июля 1919 г. отмечалось, что «в деле замешаны ответственные сотрудники штабма¹,

датский и персидский консулы, артисты и артистки частных театров и др[угие] лица. Одним из средств шпионажа было выманивание с помощью красивых женщин и пьянства сведений от ответственных работников Красной армии. Некоторые обвиняемые были хорошо знакомы с бывш[им] главкомом Вацетисом с 1914 г. Дело расследуется в самом спешном порядке» [2, т. 1, л. 16].

Дело получило номер 1897/23Р. Следствие вел военный следователь Особого отдела ВЧК Я. Я. Фогель — впоследствии советский генерал и Герой Советского Союза. Он считал, что организация могла иметь связь с Пензой, выходами откуда были некоторые фигуранты, там же формировался штаб 1-й армии, «благодаря чему разные контрреволюционные элементы, б[ывшие] помещики и офицеры с целью скрываться от преследования карающих органов Советской власти и укрывательства от призыва в тыловое ополчение поступили на службу штаба 1-й армии» [2, т. 1, л. 14 об. – 15].

Фогель 5 августа 1919 г. сообщил начальнику оперативного отделения Особого отдела ВЧК А. Х. Артузову о деле и просил донести о нем заместителю начальника Особого отдела И. П. Павлуновскому, так как «предполагаю, что должна быть связь с делом “Ставки”» [2, т. 1, л. 19 об.]. Связать оба дела в одно, судя по всему, надеялся и сам Павлуновский. Во всяком случае 26 июля он телеграфировал Бокию: «Арестованы и препровождаются Пиллит и Репкин. Тухачевский, по сведениям, был на Восточный фронт. Арестованы еще несколько лиц. По-видимому, дело [в] Москве разовьется. Вышлите курьером доклад по делу и копии протоколов» [2, т. 4, л. 440]. Так или иначе, но связать дела против старых и новых генштабистов не удалось. 30 августа 1919 г. Особый отдел при РВС Восточного фронта направил дело вместе с арестованными в Москву для дальнейшего расследования Особого отдела ВЧК [2, т. 1, л. 20].

Всего по делу привлекался 61 обвиняемый, из которых 20 были осуждены [2, т. 1–5; т. 1, л. 1, 211–272]. 26 сентября 1919 г. Президиум ВЧК постановил О. И. Валуеву, М. М. Валуева, Н. И. Корицкого (по обнаружению), Г. М. Новикьяна, Н. В. Скрыдлова, М. А. Толстого (начальника инженеров 1-й армии, хранившего секретные документы на квартире Валуевой), А. И. Харченко расстрелять [2, т. 1, л. 26–26 об.]. Против ключевых фигурантов дела были выдвинуты обвинения в причастности к шпионажу, а также к контрреволюционной организации или в соучастии (в отношении Новикьяна — в соучастии и в хранении оружия). И. Т. Дравниэка, А. Ф. Пиллита и Л. И. Репкина постановили заключить в лагерь до конца Гражданской войны (они содержались в Москве в Ивановском лагере особого назначения), Н. Н. Тухачевского объявить в розыск. В лагерь до конца Гражданской войны предписывалось заключить и других фигурантов: И. А. Руднева, Б. Н. Скрыдлова и Л. В. Скрыдлову. В. М. Пиллит и Г. Л. Россиньоль были приговорены к году лагеря. Е. В. Агокаса освободили. Приговор подписали И. К. Ксенофонтов, С. Г. Уралов, М. С. Кедров и И. П. Жуков [2, т. 1, л. 28]. Обращает на себя внимание сравнительная мягкость приговоров в отношении красных генштабистов [7–8; 9, с. 381–400, 490–506] — слушателей Академии Генштаба РККА, хотя они близко общались с Валуевой. Не понес дополнительного наказания И. Т. Дравниэк, которого считали причастным к краже армейского имуще-

ства. Очевидно, такой приговор был predetermined классовым подходом к делу, поскольку нарождающую советскую военную элиту чекисты считали лояльной властью.

Часть приговоров в отношении второстепенных фигурантов дела была вынесена Особым отделом Восточного фронта. Решениями этого органа в июле-августе 1919 г. были освобождены (в отдельных случаях под подписку о невыезде) 25 человек и четверо, хотя и не причастных к организации, но, по версии следствия, сочувствовавших белым (М. С. Денисов и три женщины — О. Э. Рингс, Н. Ф. Тилли и П. П. Чичерова) 16 августа 1919 г. приговорены к содержанию в лагере до конца Гражданской войны.

Материалы дела составили семь томов. Правда, заключительный из них был посвящен совсем другому расследованию, именованному «Деникинская разведка малолетних». Речь шла о случайно арестованных во время стоянки поезда видного чекиста М. С. Кедрова в Орле молодых людях, которых заподозрили в шпионаже в пользу белых. Как уже отмечалось, не имел отношения к делу «Приволжской шпионской организации» и бывший красный командарм-перебежчик А. И. Харченко.

В целом, следствие по делу «Приволжской организации» велось поверхностно, доказательств виновности фигурантов собрано не было, следствие не пыталось установить контакты арестованных с белым подпольем, чтобы вскрыть таким путем тайные антибольшевистские организации, в материалах дела не прослеживается и попыток выявить возможности передачи сведений противнику. Обвинения по делу носили выраженный политический характер, причем порой обычные действия квалифицировались как контрреволюционные (так, сожжение М. М. Валуевым старых бумаг трактовалось как уничтожение улики, а встречи у Валуевой с выпивкой, развлечениями и разговорами на военные темы расценивались как контрреволюционные собрания). Некоторым арестованным не предъявлялось обвинений, а отдельными фигурантами следствие почти не интересовалось. Например, один из арестованных, бывший инженер для поручений при начальнике инженеров 1-й армии И. А. Руднев, уже в марте 1920 г. жаловался, что после перевода в Москву не был допрошен, но сидел долгое время в Бутырской тюрьме и Ивановском лагере [2, т. 5, л. 557], ранее же его допросы носили характер свидетельских показаний [2, т. 1, л. 125]. Никакой вины за собой не чувствовал сосед Валуевых М. С. Денисов — председатель правления объединенного общества потребителей Симбирска, приговоренный к заключению в лагерь до конца Гражданской войны. Неясна была вина семьи Скрыдловых. Все фигуранты дела дали показания о непричастности к белым организациям, никакого единства контрреволюционных действий не наблюдалось, и дело можно считать сфабрикованным следствием. В сентябре 2003 г. решением военного прокурора Приволжско-Уральского военного округа репрессированные по этому делу были реабилитированы [2, т. 1, л. 211, 220].

Расследование показало, что среди арестованных могли быть лица, враждебные большевикам, а действия Валуевой в условиях Гражданской войны выглядели объективно подозрительно. Возможно, в каких-то целях она пыталась внедриться в среду красных генштабистов. Последние, несомненно, устраивали неформальные встречи, могли вести

политические разговоры, участвовать в каких-то махинациях, но все же эта среда была лояльной большевикам (к тому же в ней было немало членов партии), а обвинение в существовании в академии контрреволюционной ячейки осталось недоказанным. С другой стороны, нет ответа на вопрос о причинах хранения несколькими фигурантами дела (Валуевы, Новикьян, Скрыдлов) немалых запасов оружия. Так или иначе, у чекистов не было ни квалификации, ни времени, чтобы вести полноценное расследование, поэтому наиболее подозрительных лиц проще было ликвидировать или изолировать, что и было сделано. К сожалению, ввиду недоступности агентурных материалов по делу ответить на ряд непроясненных вопросов не представляется возможным.

Под маховик репрессий тогда едва не попали братья Тухачевские, что могло иметь печальные последствия для Красной армии. Это обстоятельство демонстрирует незащищенность от репрессий в Советской России даже наиболее высокопоставленных военспецов, включая членов РКП(б). Кроме того, следствием предпринимались попытки получить в рамках этого дела дополнительный обвинительный материал в отношении уже арестованного к тому времени бывшего советского главкома И. И. Вацетиса и связать дело «Приволжской организации» с арестами штабных работников по делу Полевого штаба РВСР (делу Ставки). Осуществить это не удалось.

При этом в Гражданскую войну даже вполне лояльные партийные военные работники не были застрахованы от тесного общения с темными и подозрительными личностями. Именно в таком положении оказались красные генштабисты, проводившие время с О. И. Валуевой. Неудивительно, что результатом подобного общения стали их аресты.

Как сложились судьбы уцелевших фигурантов и тех, кто был связан с этим делом? Многие из них в дальнейшем блестяще себя проявили в Красной армии. А. К. Наумов дослужился в РККА до комкора, в 1930-е гг. был заместителем начальника управления ВВС РККА. В 1936 г. в возрасте 41 года он умер. А. К. Парм академию так и не окончил, арестовывался в 1920 г., а в мае 1921 г. был убит бандитами под Киевом. Судьбы Дравниэка и Репкина проследить не удалось. Н. Н. Тухачевский, который не пострадал в 1919-м, был расстрелян в 1937-м. Е. В. Агокас служил в РККА, был вновь арестован в 1930–1932 гг. и в 1938 г. Вышел на свободу, стал профессором и умер в Москве в 1960 г. Я. А. М. Тылтынь в 1920 г. попал в польский плен, на следующий год вернулся в Россию, доучился в академии, затем стал советским военным разведчиком, работал нелегальным резидентом во Франции и США, получил звание комбрига, участвовал в Гражданской войне в Испании, в 1937 г. был арестован и умер в лагере в 1942 г. [10, с. 95–97].

В. Д. Залесский дослужился в РККА до звания комбрига. Он вновь был арестован в 1923 г., а затем в 1938 г. и тогда же расстрелян [10, с. 254–256]. Я. Х. Эглит умер в 1958 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище.

Больше всех повезло Н. И. Корицкому, который в 1919 г., несмотря на расстрельный приговор, продолжил служить в РККА. Впоследствии он перешел на военно-педагогическую работу, получил звание генерал-майора. Избежав политических репрессий, в 1948 г. он вышел в отставку и умер в 1965 г. Его именем названа улица в Минске.

Примечания

¹ Штаба 1-й Армии.

Библиографический список

1. Кантор Ю. З. Война и мир Михаила Тухачевского. Москва: Издат. дом Огонек; Время, 2005. 576 с. ISBN 5-89947-007-0.
2. Центральный архив Федеральной службы безопасности России. Д. Р-49582. Т. 1, 2, 4, 5.
3. Федотова И. В. Трудности и достижения: становление Сибирского управления военных учебных заведений РККА (1919–1920 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 73–82. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-73-82.
4. Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников / Сост.: Н. И. Корицкий, С. М. Мельник-Тухачевская, Б. Н. Чистов. Москва: Воениздат, 1965. 248 с.
5. Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя / Сост. В. А. Гочаров, А. И. Кокурин. Москва: Индрик, 2009. 492 с. ISBN 978-5-91674-014-1.
6. Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. Москва: Книжница, 2014. 768 с. ISBN 978-5-903081-24-0.
7. Снесарев А. Е. «Мне было ясно с первых же шагов, что эти "буревестники" создадут... довольно сложную обстановку» / публ. И. С. Даниленко // Военно-исторический журнал. 2002. № 11. С. 59–65.
8. Военная академия за пять лет / Под ред. М. Л. Белоцкого, И. Г. Клочко, Е. А. Шиловского. Москва: Тип. воен. акад. РККА, 1923. 412 с.
9. Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. 2-е изд., испр. Москва: Кучково Поле, 2017. 678 с. ISBN 978-5-9950-0757-9.
10. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: Комбриги и им равные. Москва: Кучково Поле; Мегapolis, 2014. 528 с. ISBN 978-5-9950-0388-5.

ГАНИН Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН, г. Москва.

SPIN-код: 1144-9875

AuthorID (РИНЦ): 523679

ORCID: 0000-0002-8602-1990

AuthorID (SCOPUS): 55658925000

ResearcherID: A-5606-2009

Адрес для переписки: andrey_ganin@mail.ru

Для цитирования

Ганин А. В. Дело «Приволжской шпионской организации». 1919 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 5–12. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-5-12.

Статья поступила в редакцию 15.06.2023 г.

© А. В. Ганин

THE CASE OF THE «VOLGA ESPIONAGE ORGANIZATION». 1919

Based on unpublished sources from the Central Archive of the FSS of Russia, the article examines in detail the case of the counter-revolutionary «Volga Spy Organization» in the Red Army, investigated by the Cheka in 1919. This plot found a fragmentary reflection in historiography. The purpose of this work is to eliminate this gap. The theoretical basis of the study is a combination of the anthropological approach, problematic and biographical methods. As part of this case, along with other persons, several students of the Academy of the General Staff of the Red Army were arrested, who were suspected of a counter-revolutionary conspiracy. The course of the operational development of the case, the conduct of the investigation, the composition of the defendants (among them were the brothers Mikhail and Nikolai Tukhachevsky, who escaped arrest), were analyzed, the features of the sentences passed were discussed.

Keywords: Red Army, General Staff Academy, Cheka, Soviet secret services, repression, Civil War, Eastern Front, M. N. Tukhachevsky, N. I. Koritsky, «Volga Espionage Organization».

References

1. Kantor Yu. Z. Voyna i mir Mikhaila Tukhachevskogo [War and peace of Mikhail Tukhachevsky]. Moscow, 2005. 576 p. ISBN 5-89947-007-0. (In Russ.).
2. Tsentral'nyy arkhiv Federal'noy sluzhby bezopasnosti Rossii [Central archive of the FSB of Russia]. File: R-49582/1, 2, 4, 5. (In Russ.).
3. Fedotova I. V. Trudnosti i dostizheniya: stanovleniye Sibirskogo upravleniya voyennykh uchebnykh zavedeniy RSKA (1919–1920 gg.) [Difficulties and Achievements: formation of Siberian Directorate of Military Educational Institutions of the Red Army (1919–1920)] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 73–82. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-73-82. (In Russ.).
4. Marshal Tukhachevskiy. Vospominaniya druzhey i soratnikov [Marshal Tukhachevsky. Memoirs of friends and associates] / Comp. N. I. Koritskiy, S. M. Mel'nik-Tukhachevskaya, B. N. Chistov. Moscow, 1965. 248 p. (In Russ.).
5. Gvardeytsy Oktyabrya. Rol' korennykh narodov stran Baltii v ustanovlenii i ukreplenii bol'shevistskogo stroya [The Guards of October. The role of the indigenous peoples of the Baltic States in establishing and strengthening the Bolshevik system] / Comp. V. A. Gocharov, A. I. Kokurin. Moscow, 2009. 492 p. ISBN 978-5-91674-014-1. (In Russ.).
6. Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom [Sunset of the Nicholas Military Academy 1914–1922]. 2nd ed. Moscow, 2014. 768 p. ISBN 978-5-903081-24-0. (In Russ.).
7. Snesev A. E. «Mne bylo yasno s pervykh zhe shagov, chto eti "burevestniki" sozdatut... dovol'no slozhnyuyu obstanovku» [«It was clear to me from the very first steps that these "petrels" would create ... a rather difficult situation»] / Publ. I. S. Danilenko // *Voенно-istoricheskij zhurnal. Voенно-istoricheskij Zhurnal*. 2002. No. 11. P. 59–65. (In Russ.).

8. Voyennaya akademiya za pyat' let [Military Academy for five years] / Eds.: M. L. Belocky, I. G. Klochko, E. A. Shilovskiy. Moscow, 1923. 412 p. (In Russ.).

9. Ganin A. V. Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom [The daily life of the General Staff under Lenin and Trotsky]. 2nd ed. Moscow, 2017. 678 p. ISBN 978-5-9950-0757-9. (In Russ.).

10. Cherushev N. S., Cherushev Yu. N. Rasstrelyannaya elita RSKA. 1937–1941: Kombrigi i im ravnnye [The executed elite of the Red Army. 1937–1941: Brigade commanders and their equals]. Moscow, 2014. 528 p. ISBN 978-5-9950-0388-5. (In Russ.).

GANIN Andrey Vladislavovich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of History of Slavic Peoples during the World Wars Department, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

SPIN-code: 1144-9875

AuthorID (RSCI): 523679

ORCID: 0000-0002-8602-1990

AuthorID (SCOPUS): 55658925000

ResearcherID: A-5606-2009

Correspondence address: andrey_ganin@mail.ru

For citations

Ganin A. V. The case of the «Volga Espionage Organization». 1919 // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 5–12. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-5-12.

Received June 15, 2023.

© A. V. Ganin